ГЕ160
К958

А. А. КУНКЛЬ

ВЫСТРЕЛ ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ

ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦ. ДВИЖЕНИЯ В ОЧЕРКАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ
ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

1927 г. № 15—16

А. А. КУНКЛЬ

ВЫСТРЕЛ ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ

1 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва —1927

К 84
П

ГЕ160
К958

Главлит № А—1560
Тираж 7.000 экз.
Зак. 1925

Библиотека
Института Ленина
при ЦК ВКП(б)
66359

В революционном движении семидесятых годов обычно различают два момента: период расцвета народнических идей и постепенный переход к террору.

Эпоха народничества характеризуется чрезмерной идеализацией общинных порядков, верой в своеобразие исторического развития России и игнорированием политической борьбы. Об'ективные предпосылки такого умонастроения крылись в состоянии народного хозяйства страны. Буржуазный характер реформы 19 февраля 1861 г., ее половинчатость и явное несоответствие нуждам трудящихся масс породили представление о революционности русского крестьянства. Под влиянием учений двух видных вождей того времени—Лаврова и Бакунина—группы разночинной молодежи устремляются со всех сторон в деревни с целью пропаганды социалистических идей. Это массовое движение „в народ" произошло и летом 1874 г. Но оно не имело успеха. Крестьянство, поволновавшееся после манифеста 19 февраля, вскоре успокоилось и оказалось невосприимчивым к пламенным призывам своих учителей. Правительству удалось переловить революционеров сравнительно легко. В общей сложности было захвачено свыше 1.500 человек в 37 губерниях. Но это не обескуражило народников и у них явилась мысль с'организоваться, чтобы действовать более планомерно.

Так возникло в 1876 г. общество „Земля и Воля“, об'единившее под своим руководством работу отдельных революционных кружков. Поскольку предшествующий опыт показал ненадежность системы летучей пропаганды, зарождается идея организации длительных „поселений“ среди народа. Беседы на почве повседневных жизненных потребностей могли оказаться более убедительными, чем отвлеченное изложение основ социализма. Продолжая считать своей основной задачей работу среди крестьян, народники не игнорировали в то же время и городской пролетариат, могущий дать кадры опытных пропагандистов для деревни.

В декабре 1876 г. землевольцы организовали в Петербурге демонстрацию на Казанской площади. Интеллигенция явилась в достаточном количестве, а рабочих собралось не более 200—250 человек. Молодой Плеханов (тогда еще студент) произнес речь, после чего было выброшено красное знамя с надписью „Земля и Воля“. Заметив необычное стечение народа, сюда хлынула полиция и при помощи дворников принялась избивать демонстрантов. Арестованные в этот день лица позднее были преданы суду и понесли жестокое наказание. Среди пострадавших мы видим и Боголюбова (Емельянова), который, хотя не участвовал в демонстрации, тем не менее получил 15 лет каторжных работ. За разбором дела демонстрантов на Казанской площади потянулся ряд других процессов, где судились лица, обвинявшиеся в пропаганде среди крестьян. Обнаглевшее правительство брало все более реакционный курс и не скупилось на кары. Народнические методы борьбы оказывались непригодными и предстоял пересмотр старых позиций. В это переходное время зарождается среди деятелей южных

организаций идея террора. Первым человеком, осуществившим ее на практике, оказалась Вера Засулич *).

I

Вера Ивановна Засулич родилась 29 июля 1849 г. в родовом поместье своей матери с. Михайловке (Смоленской губ., Гжатского у.). Лишившись рано отца, она воспитывалась в доме теток своих Микулиных, живших недалеко от Михайловки в довольно благоустроенном имении Бяколове. Порученная надзору старой гувернантки, она прожила здесь до 1864 г., после чего была отвезена в Москву и определена в частный пансион, где училась и ее старшая сестра Александра **). Так как пансион не давал никаких прав, то по окончании его (1867) Вере Засулич пришлось держать при университете экзамен на получение звания домашней учительницы. Забота о насущном хлебе заставила ее взять первое попавшееся место. Она поступила на должность писца к мировому судье в Серпухов, где пробыла более года. Затем В. Засулич переехала в Петербург и поселилась там вместе с матерью. Здесь она работала в переплетной мастерской и посещала школу для учителей, желая обучиться модному в то время „звуковому способу преподавания". К этому же периоду относится и первая ее встреча с Нечаевым. Хотя знакомство было кратковременно, но личность этого человека оставила глубокий след в душе молодой девушки. Вспоминая беседы с ним, В. Засулич пишет:

---

*) До ее выстрела в 70-ых годах террор применялся революционерами только по отношению к шпионам и предателям.

**) Впоследствии вышла замуж за нечаевца П. Г. Успенского.

„Мне так тяжело, так тоскливо было говорить свои „невероятно это"... „не знаю"... Я видела, что он говорит очень серьезно, что это не болтовня о революции: он будет делать и может делать,—ведь верховодит же он над студентами?.. Служить революции—величайшее счастье, о котором я только смею мечтать, а, ведь, он говорит, чтобы меня завербовать, иначе и не подумал бы... И что я знаю о народе: бяколовских дворовых или своих брошировщиц, а он сам из рабочих...

Быстро мелькали в голове взволнованные мысли.

— Но вы не отказываетесь дать свой адрес?— спросил замолчавший было Нечаев.

Об этом у нас была речь уже раньше.

Я тотчас схватилась за это.

— Конечно, нет! Я ведь очень мало знаю и очень хочу что-нибудь делать для дела. Я не верю, чтобы из этого именно вышла революция, но, ведь, я и никакого другого пути не знаю; я все равно ничего не делаю и буду рада помогать чем только смогу.

Я, конечно, не помню в точности своих слов, но, живо помню свое тогдашнее состояние. Ведь это был первый серьезный разговор о революции, первый шаг к делу, как мне тогда казалось. Нечаев, видимо, обрадовался моей сдаче.

— Так по рукам, значит?

— По рукам"...*)

Дело, впрочем, ограничилось тем, что Нечаев, уехав за границу, сносился с своими корреспондентами при содействии Веры Засулич. Позднее, когда разыгралась нечаевская история, ей дорого пришлось за это поплатиться. Сначала В. Засулич привлекли к дознанию в качестве обвиня-

*) В. И. Засулич. Воспоминания («Былое», 1919, № 14, стр. 96).

емой, но потом, за недостаточностью улик, расправились с ней административным порядком, выслав ее под надзор полиции в г. Крестцы (Новгородской губ.). Будучи подавлена всем происшедшим, она писала сестре (Александре):

„Дорогая моя, как тяжело, как гадко у меня на сердце, так тяжело, что и справиться с собой не могу; через несколько дней я, конечно, справлюсь с собой и может быть пожалею зачем пишу так: знаю я, что глупо и смешно жаловаться, что не так надо выносить такую обыкновенную вещь, но ты ведь добрая, ты не станешь смеяться, а у меня просто потребность писать"...*)

В виду того, что Засулич не могла приискать себе здесь заработка, ее перевели по просьбе матери в Тверь, где она поселилась у своей старшей сестры Е. И. Никифоровой**). В мае 1872 г. она получила право переселиться в Харьков и поступить там на акушерские курсы, которые и окончила в 1875 г.***). Несмотря на тяготевший над ней полицейский надзор, В. Засулич уделяла время и революционной деятельности. В конце 1875 г. она становится членом организовавшегося в Киеве кружка бунтарей, куда входили кроме нее: М. Ф. Фроленко, Я. Стефанович, М. А. Каленкина, И. Бахановский, М. Ковалевская, В. Дебогорий-Мокриевич, Л. Г. Дейч, Дробязгин и др. С целью организации крестьянских восстаний, члены кружка селились небольшими группами по деревням, стараясь развернуть здесь свою деятельность. Вера Засулич жила сначала в дер. Цибулевке с М. Фроленко, а затем

---

*) Архив Революции и Вн. Политики. Дело III отделения, 1873, № 414, т. 2, л. 176.

**) Ее муж, Лев Никифоров, тоже находился под надзором полиции.

***) Дело III отделения, 1871 г., № 79, ч. 2, л. 147.

перебралась в г. Крылов, где находилась и М. А. Каленкина, дружба с которой завязалась у ней еще в Харькове. Благодаря препятствиям, чинимым жандармами, деятельность киевских бунтарей не привела к желаемым результатам. В 1876 г. они с'ехались ненадолго в Харькове, чтобы договориться по ряду вопросов, но не достигли единодушия и разбрелись в разные стороны. Засулич вместе с Каленкиной переехали в Петербург, где носились сначала с планами организаций побегов из тюрем, а затем пришли к идее террора. Первыми жертвами они наметили двух прокуроров, прославившихся своею жестокостью во время следствия по процессу „193-х“ (Жихарева и Желиховского), но после боголюбовской истории место Жихарева в их списке занял Трепов.*)

О жестокой расправе последнего в Доме предварительного заключения В. Засулич узнала впервые из газет летом 1877 г., когда она жила вместе с детьми своей сестры в Пензенской губ. По возвращении в Петербург, Засулич проверила эти слухи и решила наказать зарвавшегося генерала. Ее выступление в защиту человеческих прав политического арестанта превратило неизвестную дотоле девушку в героиню дня.

II

Один из современников и очевидцев происшествия в Доме предварительного заключения С. С. Голоушев описывает его в своих воспоминаниях следующим образом;

„Это было 13 июля 1877 года.

Мы, привлеченные к так наз. делу 193-х, уже отсиживали за решеткой кто третий, кто четвертый год своего „предварительного“ заключения.

*) „Каторга и Ссылка“, 1927 г., № 2, стр. 266.

Кое кто был уже в чахотке, а кое кого и совсем не стало. Как сейчас помню это утро. Было часов 10 или 11. Стоял хороший теплый летний день, и все тюремное население, вскарабкавшись не без акробатической ловкости на покатые подоконники, разместились по окнам, железные рамы которых мы давно наловчились снимать... Большинство... глядело с третьего и четвертого этажей на двор, где гуляла партия заключенных, в их числе некоторые из осужденных уже по делу о демонстрации у Казанского собора и между ними Емельянов-Боголюбов. Вдруг выбежал во двор служитель, торопливо сказал что-то другим караульным и снова убежал. По висячим железным балкончикам за нашими дверями тоже поднялась беготня, и скоро вся тюрьма уже знала, что приехал тогдашний петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов. Само собою разумеется, что на окнах сейчас же появились и те из заключенных, которые до этого были чем-нибудь заняты в камерах. В однообразной тюремной жизни всякий приезд начальства был для нас развлечением. Трепов, бравый, начинающий полнеть генерал с сединой в баках и нахмуренными бровями, был чем то недоволен и, очевидно, распекал на ходу семенившую за ним тюремную администрацию. Не могу вспомнить в чем было дело, но, кажется, причиною этого недовольства было именно то, что администрация сделала нам уступку и разрешила совместные прогулки. Трепов и сопровождающая его администрация, войдя во двор, быстрыми шагами направились, огибая загоны для прогулки справа, и тут же повстречались с тремя или четырьмя заключенными, среди которых был Боголюбов. Все они, как и вообще заключенные, были в своем платье и поравнявшись с Треповым, сняв

шапки, поклонились ему. Трепов не обратил на заключенных внимания, обернулся к сопровождавшему его заведывающему тюрьмой майору Курнееву*) и что-то гневно ему сказал. Что он сказал, мне не было слышно, но впоследствии выяснилось, что Трепов сделал Курнееву замечание:

— Почему подсудимые гуляют вместе? Разве могут арестованные по одному и тому же делу гулять совместно?

Курнеев не нашелся что ответить, а остановившийся подле Боголюбов заметил, обращаясь к Трепову:

— Я по другому делу.

Тогда взбешенный Трепов заорал на Боголюбова:

— Молчать! Не с тобой говорят!

Узнав же от Курнеева, что Боголюбов уже осужденный преступник, Трепов добавил:

— В карцер его!

И пошел дальше.

Растерявшаяся администрация не сразу исполнила приказание, а Боголюбов с товарищами тоже пошел дальше и волею-неволею, обогнув стоявшую внутри двора постройку, на противоположном конце двора снова встретился с Треповым. Боголюбов шел несколько впереди других и, думая, вероятно, что второй раз здороваться с градоначальником нет надобности, спокойно прошел мимо, как вдруг Трепов бросился к оторопевшему от неожиданности Боголюбову и закричал:

— В карцер! Шапку долой!—и сделал движение, чтобы сбить с Боголюбова шапку.

Боголюбов машинально откачнулся, и от быстрого движения шапка свалилась у него с головы,

*) Он замещал в то время полковника Федорова, находившегося в отпуску.—*А. К.*

на большинство же смотревших в окно заключенных это произвело такое впечатление, что Трепов ударил Боголюбова по лицу и ударом сбил с него картуз.

Что началось вслед за этим, представить себе трудно, если вам не случалось видеть тюремных бунтов... Не успел Трепов размахнуться, как в воздухе уже стон стоял от негодующих, бешеных криков заключенных, и все, что можно было просунуть сквозь решетку: жестяные кружки, книги и т. п.—все это градом полетело во двор в Трепова.

Трепов, потрясая кулаками, что-то кричал в ответ, но что—за грохотом и криками нельзя было расслышать. Затем Трепов ушел, быстро увели со двора всех арестованных, а минуты через три среди двора появился взволнованный Курнеев и замахал нам руками, что-бы мы замолчали и дали ему что то сказать.

— Ну что вы наделали? Из-за вас теперь Боголюбова приказано высечь, — крикнул Курнеев среди воцарившейся тишины.

Растерявшийся майор думал, вероятно, нас этим ошеломить, но вместо того, конечно, только подлил масла в огонь, и началось уже нечто несосветимое».*)

Дело осложнилось еще нашествием городовых, которые, врываясь в камеры, принялись избивать арестантов.

В результате поднявшегося шума началась суматоха и в женском отделении. Служители вязали перед окнами тюрьмы пуки розог и с хохотом хлестали ими, грозя арестанткам. Тогда поднялось такое волнение, что розги перешли вязать в сарай и стали проносить их мимо окон,

*) С. Глаголь. Процесс первой русской террористки („Голос Минувшего“, 1918, VII-IX, стр. 147—149).

скрывая под полой. Боголюбов был в тот же день высечен. Он получил 25 ударов розгами, а наиболее буйные из его товарищей очутились в карцере.

Заключенные не могли притти в себя от негодования и рассказывали об этой истории навещавшим их лицам, через которых весть распространилась вскоре по всему Петербургу. Поскольку поступок Трепова был не случайным фактом, а являлся отражением определенной „системы", усвоенной правительством, среди киевских бунтарей возникла мысль так или иначе реагировать на него. М. Ф. Фроленко рассказывает в своих воспоминаниях, что он, вместе с Г. А. Попко, сняли комнату против дома градоначальника и учредили за ним слежку. Но осуществить им свой план не удалось, так как неожиданно грянул выстрел В. Засулич*).

Как же произошло это событие? Откуда нашла в себе молодая девушка столько силы духа, чтобы единолично справиться со столь сложной задачей?

Это случилось потому, что она была потрясена происшедшим и вопрос о наказании Трепова завладел всецело ее мыслями. Она решила принести себя в жертву, чтобы доказать, что безнаказанно глумиться над политическим арестантом нельзя.

Вот что пишет сама Засулич о своем душевном состоянии накануне выстрела:

„Мне казалось, что я спокойна и только страшно на душе,—не от разлуки с жизнью на свободе,—с ней я давно покончила,—была уже не жизнь, а какое то переходное состояние, с которым хотелось скорей покончить. Страшной тяжестью

*) Фроленко. Записки семидесятника (1927), стр. 64.

легло на душу завтрашнее утро: этот час у градоначальника, когда он вдруг приблизится там вплотную... В удаче я была уверена,—все пройдет без малейшей зацепинки, совсем не трудно и ничуть не страшно, а все-таки смертельно тяжело"...*).

Всю ночь Засулич душил кошмар.

А когда настало роковое утро 24 января 1878 г. она поспешно оделась, накинула на себя широкую тальму и, простившись с Каленкиной**) вышла на улицу...

III

Когда Вера Засулич очутилась в приемной градоначальника, то здесь находилось уже несколько посетителей.

— Градоначальник принимает?

— Принимает: сейчас выйдет!

Кто-то, точно нарочно для нее, спросил:

— Сам принимает?

Ответ последовал утвердительный.

Наступили минуты томительного ожидания. В. Засулич было душно в тальме, но приходилось терпеть, так как только таким образом являлась возможность скрыть револьвер. Впрочем, она чувствовала себя довольно бодро. От мучившего накануне кошмара не осталось и следа. Душа была поглощена лишь одной заботой, чтобы все сошло так, как задумано. Но вот явился ад'ютант градоначальника и провел посетителей в другую комнату. Вера Засулич оказалась здесь первой в ряду. Тогда же распахнулась дверь и на пороге показался Трепов, сопровождаемый своей

*) Засулич, Воспоминания, стр. 99.

**) М. А. Каленкина в этот же день намеревалась покончить с обер-прокурором Желиховским, но не была принята им, вследствие чего покушение не состоялось.

свитой. Среди окружавших его лиц находился, между прочим и майор Курнеев, который прежде был смотрителем Дома предварительного заключения. Когда градоначальник подошел к Засулич, она вручила ему заранее приготовленную бумагу. Это было прошение от имени вымышленной Козловой, в котором заключалась просьба выдать «свидетельство о поведении». Пробежав бумагу, Трепов черкнул на ней что-то карандашем и обратился к следующей просительнице. Медлить более было нельзя, потому что дежурный чиновник начал уже делать знаки Засулич, чтобы она уходила. Она решилась: нажала собачку... Осечка. Опять нажала — раздался выстрел, затем крик... Тяжело раненый Трепов упал, обливаясь кровью. Воцарилась минутная тишина и в голове Засулич сверкнула мысль: «теперь должны броситься бить»... Она бросила револьвер и ждала. Ей не хотелось, чтобы это орудие смерти могло причинить кому-нибудь вред во время свалки. Вдруг все задвигалось, поднялась суматоха, чины полиции бросились к стрелявшей и схватили ее с двух сторон.

— Где револьвер?

— Бросила,—он на полу.

— Револьвер! Револьвер отдайте!—продолжали кричать озверевшие люди, дергая ее в разные стороны.

Перед Засулич вырос словно из земли Курнеев. Он был вне себя и издавал не крик, а какое-то рычание. Его скрюченные пальцы направились прямо в глаза стрелявшей. Засулич зажмурила их изо всех сил и поплатилась только щекой, которая оказалась жестоко расцарапанной. Потом ее повалили и принялись бить.

«Все пошло так, как я ожидала,—пишет Засулич в своих воспоминаниях,—излишне было толь-

ко покушение на мои глаза, но теперь я лежала лицом вниз и они были в безопасности. Но что было совершенно неожиданно, так это то, что я не чувствовала ни малейшей боли, чувствовала удары, а боли не было. Я почувствовала боль только ночью, когда меня заперли, наконец, в камере*)».

Лежа на полу, она слышала разговоры вокруг себя.

— Вы убьете ее!

— Уже убили, кажется...

— Так нельзя: оставьте, оставьте — нужно же произвести следствие!

Борьба продолжалась, кого-то отталкивали, — должно быть Курнеева.

Вере Засулич помогли сесть на стул.

Она теперь только заметила, что находится в другой комнате. Вокруг толпились новые лица.

— Придется вас обыскать, — обратился к ней нерешительно полицейский.

— Для этого надо позвать женщину, — возразила Засулич.

— Да где же тут женщина?

— Неужели не найдете?

И сейчас же придумала:

— При всех частях есть казенная акушерка, — вот за ней и пошлите.

— Пока-то ее найдут, а ведь при вас может быть оружие! Сохрани господи, что нибудь случится...

— Ничего больше не случится. Уж лучше вы свяжите меня, если так боитесь.

— Да я не за себя боюсь, — в меня не станете палить. А верно, что расстроили вы меня. Болен я был, — недавно с постели встал. Чем же связать-то?

---

*) Засулич. Воспоминания, стр. 101.

Засулич внутренно усмехнулась: «я же его учить должна!»

— Если нет веревки, можно и полотенцем связать.

Полицейский отпер ящик в столе, вынул чистое полотенце, но вязать не торопился.

— За что вы его?—спросил он как-то робко.

— За Боголюбова.

— Ага! — в тоне слышалось, что именно этого он и ожидал.

Весть о покушении быстро распространилась в высших сферах и комната стала наполняться «начальством». Прежний собеседник Засулич вышел, а явившийся ему на смену офицер связал ее и приставил караул. Напоследок он дал наставление солдатам:

— Вы берегитесь, а то, ведь, она и ножем пырнуть может!

Когда он удалился, то один из них сказал с усмешкою:

— Ведь скажет человек: связана девка, два солдата держут, а он: «берегись—пырнет!»

— И где это ты стрелять выучилась?—шепнул он, обращаясь к Засулич.

— Уж выучилась! Не велика наука!—ответила она.

— Училась да не доучилась,—произнес другой солдат,—плохо попала-то!

— Не скажи,—возразил первый,—слыхать очень хорошо попала—будет ли жив!

Во время допросов Засулич назвалась учительницей Козловой и дала фиктивный адрес. Тогда начались розыски. Некоторые соображения заставили жандармов обратиться к нечаевскому делу. Внимательное изучение фотографий привело их к выводу, что девушка, именующая себя Козловой, и Вера Засулич есть одно и то же лицо.

Немедленно была розыскана мать Веры Засулич, которая в лице арестованной признала свою дочь.

IV

Когда предварительное следствие закончилось, правительство решило передать дело В. Засулич в окружной суд, где оно должно было слушаться в обычном порядке с участием присяжных заседателей. Подчеркивая этим свое «беспристрастие», судебная власть постаралась в то же время создать такие условия, чтобы подсудимая не оказалась оправданной. Прежде всего предстояло решить вопрос: кому именно поручить поддерживать обвинение. В виду того, что прокурор окружного суда Н. Н. Сабуров*) находился в то время в отпуску, выбор приходилось произвести между тремя его помощниками: В. И. Жуковским, С. А. Андреевским и Кесселем. Хотя все симпатии прокурора судебной палаты А. А. Лопухина были на стороне Андреевского, тем не менее он обратился сначала к Жуковскому, как к старшему товарищу прокурора. Но последний отказался от обвинения под тем предлогом, что ему, как брату эмигранта**), неудобно выступать по политическому делу. Тогда А. А. Лопухин вызвал к себе Андреевского и, приняв его с «распростертыми об'ятиями», сказал:

— Когда я настаивал на передаче дела Засулич в суд присяжных, я имел в виду именно вас. Я часто слушал ваши речи и увлекался. Вы один с'умеете своею искренностью спасти обвинение...

— Но, Александр Алексеевич,—возразил Андреевский, — ведь ваше обращение ко мне, — величайшее недоразумение! Конечно, Вера Засулич

*) Впоследствии директор департамента полиции.

**) Его брат Н. И. Жуковский привлекался в 1862 г. по делу Писарева, но успел во время бежать за границу.

совершила преступление, и если бы вы, как мой начальник, предписали мне обвинять ее, то я не имел бы права ослушаться. Поэтому я прежде всего желал бы знать: беседуем ли мы с вами формально или по-человечески!

— Да что вы! Что вы! Конечно, тут нет никаких формальностей, и вы можете говорить вполне откровенно.

— Тогда я вам скажу, что обвинять Веру Засулич я ни в каком случае не стану, и прежде всего потому, что кто бы ни обвинял ее, — присяжные ее оправдают.

— Каким образом? Почему?

— Потому что Трепов совершил возмутительнейшее превышение власти. Он выпорол «политического» Боголюбова во дворе тюрьмы и заставил всех арестантов из своих окон смотреть на эту порку... И все мы, представители юстиции, прекрасно знаем, что Трепову за это ничего не будет. Поймут это и присяжные. Так вот, они и подумают, каждый про себя: «значит при теперешних порядках и нас можно пороть безнаказанно, если кому вздумается? Нет! Молодец, Вера Засулич! Спасибо ей!» И они ее всегда оправдают.

— Бог знает, что вы говорите!..

— Александр Алексеевич! Мне кажется вы не чувствуете важности момента. Ведь мы присутствуем при начале иной революции. Уже не против монарха, а против правительства. И в обвинители Вере Засулич следовало бы достать какого-нибудь дореформенного человека, преданного далекой старине, который был бы готов за нее «костьми лечь», который бы сказал присяжным: «Г. г. присяжные! Нам дела нет до побуждений Засулич. Помните только одно, что она посягнула на наши святыни. Она стреляла

в генерал-адъютанта, носящего на своих плечах вензеля государя,—всегда имеющего к царю свободный доступ... Кто любит государственный порядок, тот не пожелает даже вникать в об'яснения подсудимой. Можно, пожалуй, смягчить ее ответственность, но оправдать ее—никогда!»

— Какая великолепная речь! Произнесите же ее!

— Нет, Александр Алексеевич, мы совсем не понимаем друг друга. И верьте мне, что никакая речь не поможет.

Лопухин пожал плечами и сказал:

— Ну, что же делать! Придется обратиться к товарищу прокурора Кесселю*)...

Дело В. Засулич слушалось в 1-м отделении Петербургского окружного суда под председательством А. Ф. Кони. Обвинял товарищ прокурора Кессель, защищал присяжный поверенный П. А. Александров.

Народу собралось великое множество.

«Никогда еще зало уголовного суда так не волновалось, не беспокоилось и не трепетало от нетерпения в ожидании подсудимой, как это было в деле Веры Засулич. С аккуратностью секундной стрелки, ровно в одиннадцать часов заседание открылось.

— Введите подсудимую!—раздался негромкий, мягкий голос председателя суда А. Ф. Кони и за мгновение еще перед тем шумевшая зала смолкла, застыла в гробовом молчании. На возвышении скамьи подсудимых, под охраной нескольких жандармов, с саблями на-голо, появилась смугловатая, бледная, тщедушная девушка. Одета она в черное люстриновое платье, темные ее волосы гладко расчесаны на голове и заплетены в две небольшие косы. Ее некрасивое, но симпатичное,

*) „Былое“, 1923 г., № 21, стр. 89—90.

несколько удлиненное, с запавшими щеками и с заострившимся от худобы носом и подбородком, лицо останавливает на себе все взоры. Ничего отталкивающего, ничего вызывающего во всей ее маленькой фигурке, ни одного жеста, ни одного движения внешней рисовки»*).

Так описывает В. Засулич видевший ее в тот день адвокат Н. П. Карабчевский.

После соблюдения обычных формальностей и оглашения обвинительного акта, председатель обратился к Засулич с следующим вопросом:

— Подсудимая, вы обвиняетесь в том, что имея заранее обдуманное намерение убить ген.-ад'ютанта Трепова пришли к нему в дом 24 января с заранее принесенным вами револьвером и причинили ему тяжкую рану выстрелом из этого револьвера, при чем смерть не последовала по обстоятельствам, устранить которые было не в вашей власти. Признаете вы себя виновной?

— Я признаю, что я произвела выстрел,—ответила Засулич.

— Угодно вам рассказать вследствие чего вы сделали это?

— Я прошу позволить мне об'яснить мотивы после допроса свидетелей.

Сначала были опрошены свидетели обвинения (Курнеев, Греч и др. чиновники), находившиеся при градоначальнике в момент выстрела в него Засулич.

Когда их допрос окончился, то председатель сказал:

— Подсудимая, теперь начнется допрос свидетелей, вызванных вашим защитником, не хотите ли дать об'яснения; о чем вы хотели их спрашивать?

*) Карабчевский. Около правосудия (1902), стр. 374 и сл.

— О том происшествии, которое было в Доме предварительного заключения, — ответила В. Засулич.

— Какое отношение это имеет к делу?

— Если бы не было этого происшествия, я не стреляла бы.

— Откуда оно стало вам известно?

— Из газет..., потом из рассказов разных лиц в Петербурге.

Первым из свидетелей был допрошен Петропавловский.

— Вы знаете подсудимую? — спросил его председатель.

— Нет.

— Вы содержались в Доме предварительного заключения?

— Да.

— Вы имели свидания с кем-нибудь?

— Нет, я ни с кем не видался.

После этого стал задавать вопросы защитник.

— Вы присутствовали при встрече градоначальника с Боголюбовым?

— Да.

— Расскажите, как это происходило?

— Я гулял вместе с девятью человеками, которые... разделились на группы; в каждой было по два, по три человека; в одной из групп были Кадьян, Боголюбов и я. Это было около 10 час. утра. Вдруг отворяются ворота и появляется градоначальник. Мы в то время стояли на противоположном конце двора; градоначальник подходит к нашей группе и обращается к управляющему, который шел рядом с ним и спрашивает его раздраженным тоном — почему мы гуляем вместе, так как по правилам мы должны и в камерах сидеть в одиночку. В это время управляющим

был майор Курнеев. Что он ответил, я не знаю; но вместо его счел нужным ответить сам Боголюбов, который заметил, что он уже присужден и имеет право видеться со всеми теми, которые сидят тут в Доме предварительного заключения. После этого градоначальник стал еще более раздражен. Он обратился к Боголюбову и довольно зычным голосом закричал: „взять его в карцер!“ Но так как в это время не было лица, которое могло бы исполнить его приказание, мы имели возможность обойти еще вокруг двора. Когда мы встретились опять с управляющим и градоначальником, тогда градоначальник подбегает к Боголюбову очень близко, замахивается на него рукой и кричит: „долой шапку!“ Боголюбов, видя угрожающее движение руки, отскакивает; вследствие такого движения шапка свалилась несколько набок; он подхватывает (ее) и надевает. Тогда градоначальник подбежал к нему и замахнулся на него рукою, но я был тогда в таком возбужденном состоянии, что не видал, сбил ли он с него шапку. В скором времени после этого Боголюбов был отведен в карцер...

— Другие арестанты... производили шум?— спросил председатель.

— Да, во время последней сцены, когда градоначальник замахнулся рукой на Боголюбова, сделался ужасный шум, и вследствие этого шума градоначальник ушел.

— Был один шум, или что было еще?

— Нет, был только шум.

— Форточки разбивались?

— Нет, в то время был только один шум.

— Боголюбов к чему был присужден?

— Он был присужден к каторге.

— Встречаясь с градоначальником, он кланялся ему?

— Когда мы в первый раз встретились с ним, мы все сделали ему поклон; Боголюбов снял шапку также, как и Кадьян.

После этого вопросы стал задавать опять защитник.

— Не было возбуждения со стороны Боголюбова прочих арестантов к шуму?

— Нет, после тех слов, которые вызвали раздражение градоначальника, Боголюбов ничего не говорил; я мог слышать, так как стоял возле него.

— Вследствие чего же начался шум со стороны арестантов?

— Когда они увидали последнюю сцену, когда градоначальник сшиб шапку с Боголюбова, тогда подняли крик негодования.

— Вы услышали в тот же день о наказании Боголюбова?

— Об этом я слышал часа через три. Курнеев зашел на двор к нам и громко сказал, что Боголюбова будут сечь.

— Это он сказал вслух при арестантах?

— Да, и после этого произошел ужасный шум.

Затем были допрошены остальные свидетели защиты (Голоушев, Щиголев и Чарушина), которые дополнили картину отдельными подробностями, но по существу рассказали тоже.

Тогда председатель обратился к Засулич:

— Подсудимая Засулич, свидетельские показания окончены, что вы можете сказать?

— О происшествии 13 июля, — ответила Засулич, — я слышала в Петербурге от разных лиц... На меня все это произвело впечатление не наказания, а надругательства, вызванного какой-то личной злобой. Мне казалось, что такое дело не может, не должно пройти бесследно. Я ждала не

отзовется ли оно хоть чем нибудь, но все молчало и в печати не появлялось больше ни слова, и ничто не мешало Трепову или кому другому, столь же сильному, опять и опять производить такие же расправы, — ведь так легко забыть при вторичной встрече шапку снять, — так легко найти другой, подобный же ничтожный предлог. Тогда я решилась хоть ценою собственной гибели доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческою личностью; я не нашла, не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие...

— Вы сидели по какому делу?

— Я была свидетельницей по нечаевскому делу и просидела в тюрьме год и 10 месяцев.

— Какого рода были ваши занятия?

— Я училась в московском пансионе и кончила курс... Но мне трудно говорить о всех подробностях, я рассказала свою биографию моему защитнику, может быть, он расскажет ее суду.

В заключение были допрошены эксперты, которые единогласно показали, что выстрел произведен в упор и рана принадлежит к разряду тяжких.

Судебное следствие председатель об'явил законченным и начались прения сторон.

Речь товарища прокурора Кесселя носила довольно сдержанный характер и вращалась преимущественно вокруг фактической стороны дела.

— Я обвиняю подсудимую Засулич в том, — заявил он с первых же слов, — что она имела заранее обдуманное намерение лишить жизни градоначальника Трепова и что 24 января, придя с этой целью к нему на квартиру, выстрелила в него из револьвера... Из этого вы видите, что мое обвинение несколько разнится от того сознания, которое вы слышали от самой обвиняемой. По ее

словам у нее существовало безразличное намерение или убить или ранить градоначальника Трепова... Я утверждаю, что дело было не так.

Переходя далее к причинам, толкнувшим Засулич на выступление, тов. прокурора сказал:

— Каждый обязан помогать общему развитию, но ни один человек не имеет права возводить своих собственных взглядов на степень судебного приговора — этого единственного выразителя общественной совести... А какое право имела Засулич считать свое собственное решение чем то вроде приговора суда? Какое право она имела присваивать своим взглядам те последствия, которые имеет только судебный приговор? Конечно никакого, если не считать правом уверенности в своей непогрешимости...

Совершенно иной характер носила речь присяжного поверенного Александрова:

— Господа присяжные заседатели! Я выслушал благородную, сдержанную речь товарища прокурора, и со многим из того, что сказано им, я совершенно согласен; мы расходимся лишь в весьма немногом, но тем не менее задача моя, после речи прокурора, не оказалась облегченной. Не в фактах настоящего дела, не в сложности их лежит его трудность; дело это просто по своим обстоятельствам, до того просто, что если ограничиться одним только событием 24 января, тогда почти и рассуждать не придется. Кто станет отрицать, что самоуправное убийство есть преступление, кто будет отрицать то, что утверждает подсудимая, что тяжело поднимать руку для самоуправной расправы. Все это истины, против которых нельзя спорить, но дело в том, что событие 24 января не может быть рассматриваемо отдельно от другого случая, оно так связуется, так переплетается с фактом, совершившимся

в Доме предварительного заключения 13 июля, что если непонятным будет смысл покушения, произведенного В. Засулич на жизнь ген.-ад. Трепова, то его можно уяснить только сопоставляя это покушение с теми мотивами, начало которых положено было происшествием в Доме предварительного заключения.

Обрисовав затем гонения, которым подвергалась от правительства в течение ряда лет В. Засулич, он перешел к событию 13 июля:

— С чувством глубокого, непримиримого оскорбления за нравственное достоинство человека отнеслась Засулич к известию о позорном наказании Боголюбова. Что был для нее Боголюбов? Он не был ее родственником, другом; он не был ее знакомым; она никогда не видала и не знала его. Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавливаемого человека, чтобы прийти в негодование от позорного глумления над беззащитным, нужно быть сестрою, женою, любовницею? Для Засулич Боголюбов был политический арестант, и в этом слове для нее было все. Политический арестант не был для Засулич отвлеченное представление, вычитанное из книг, знакомое по слухам, по судебным процессам, представление, возбуждающее в каждой честной душе чувство сожаления, сострадания, сердечной симпатии. Политический арестант был для Засулич — она сама, ее горькое прошедшее, ее собственная история, история безвозвратно погубленных лет, лет лучших и дорогих в жизни каждого человека, которого не постигает тяжелая доля, перенесенная Засулич. Политический арестант был для Засулич горькое воспоминание ее собственных страданий, ее тяжкого нервного возбуждения, постоянной тревоги, томительной неизвестности, вечной думы над вопросами: „что я

сделала? что будет со мною? когда же наступит конец?“ Политический арестант был ее собственное сердце, и всякое грубое прикосновение к этому сердцу болезненно отзывалось на ее возбужденной натуре...

Засулич отказалась от последнего слова.

Председатель обратился к присяжным с напутственной речью и они удалились в совещательную комнату. Спустя три четверти часа они вынесли свой приговор. Этот приговор был оправдательный. Наполнившая залу суда многочисленная публика встретила его аплодисментами и долго не смолкавшими криками одобрения. Когда же Засулич и ее защитник вышли на улицу, то здесь их подхватила огромная толпа на руки и устроила им шумную овацию.

Однако радость оказалась непродолжительной... В тот же день был издан приказ об аресте В. Засулич и содержании ее в Доме предварительного заключения „впредь до особого распоряжения“. Но она во время успела скрыться у друзей и бежала за границу.

Здесь прожила Засулич до 1905 г., когда, благодаря амнистии, получила возможность вернуться в Россию.

Она умерла в Петербурге 8 мая 1919 г., 70 лет от роду.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Процесс Веры Засулич. Изд. к-ва „Современник".
2. Д. М. Герценштейн, Тридцать лет тому назад („Былое", 1907, VI, стр. 236 — 257).
3. С. Глаголь, Процесс первой русской террористки („Голос Минувшего", 1918, VII — IX, стр. 147 — 162).
4. Г. К. Градовский, Итоги.
5. Н. П. Карабчевский, Около правосудия, 1902 (стр. 102 — 108; 374 — 387).
6. В. И. Засулич, Воспоминания („Былое", 1919, № 14, стр. 89 — 107).
7. А. И. Успенская, Воспоминания шестидесятницы („Былое", 1922, № 18, стр. 19 — 45).
8. Р. М. Кантор, К процессу В. И. Засулич („Былое" 1923, № 21, стр. 87 — 94).
9. М. Коваленский, Русская революция в судебных процессах и мемуарах. (Кн. II. Дело Веры Засулич. Изд. Т-ва „Мир". М. 1923).

КОМПЛЕКТЫ
ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
по
истории революционного движения в России.

1. **Декабристы.** 8 вып. в папках ц. 1 р.
2. **Народничество.** 7 вып. в папках ц. 1 р. 15 к.
3. **Народовольцы.** 12 вып. в папках ц. 1 р. 70 к.
4. **Рабочее движение.** 9 выпусков в папках . . . . . ц. 1 р. 70 к.
5. **Первая русская революц. 1905 г.** 13 выпусков . . . . . ц. 1 р. 35 к.
6. **Тюрьма, каторга и ссылка** 13 выпусков . . . . . ц. 1 р. 80 к.

Цена всех 6 комплектов в папках с доставкой и пересылкой 8 р. 70 к.

Заказы и деньги направлять в
Издательство Всесоюзного Общества Политкаторжан.
Москва—34, Лопухинский пер., д. 5.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА“

за 1927 год

„Дешевая Библиотека“ рассчитана на самые широкие читательские массы. В общедоступной форме излагает отдельные моменты ::: русского революционного движения :::

26 №№ в год, размером каждый в 16 стр. в иллюстративных обложках, ц. 1 р. 50 к.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

по истории революционного движения в очерках, воспоминаниях и биографиях журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА“ за 1927 год

„Популярная Библиотека“ имеет целью в популярной форме дать материал для ознакомления и изучения отдельных этапов революционного движения в России. Каждая книжка сопровождается кратким библиографическим указателем, портретами и иллюстр.

26 №№ в год, размером каждый 16-160 стр.
Цена 5 руб.

При одновременном приобретении „Дешевой“ и „Популярной“ Библиотек цена 6 руб.

ПОДПИСКУ и ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ
Москва-34, Лопухинский пер., 5
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН

Цена 15 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

1) Правление и склад Издательства Политкаторжан Москва, 34, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73.

2) Магазин Издательства Политкаторжан „МАЯК" — Москва-Центр, Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 3-63-20